

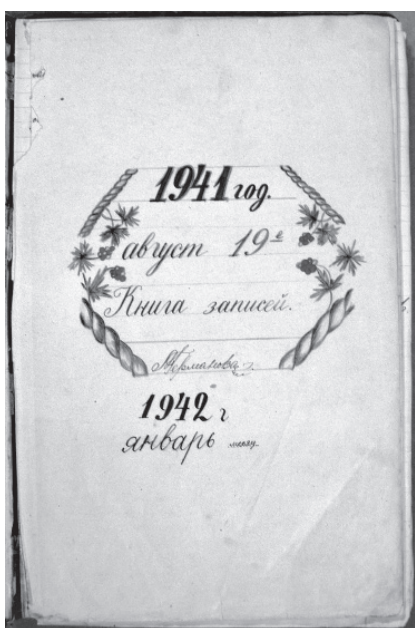
Мария Германова

ФРАГМЕНТЫ ДНЕВНИКА

(22 июня 1941 г. — 14 января 1942 г.)

<...>

Вот решаем с мамой съехать в Ленинград. 21-го, на второй день после моих именин (мне 19 лет исполнилось), выехали. Как хорошо чувствовать себя в дороге, в поезде. Едем по новой скорой дороге со Сланцев в Ленинград. Стоя у окна, смотря по сторонам, я думала о положении труде людей, где и погибло их немало, а ехать теперь как хорошо! Вспомнилось стихотворение Некрасова «Железная дорога».

Вспомнилась и прошлогодняя поездка в Ленинград всего III курса. Да.

Сколько тогда веселья было. Тогда я Ваню видела (кроме Гдова, 15-го августа) последний раз. Эх, где ты? Приди ко мне!

Вот и Ленинград. У своих. Ходим по городу. И вдруг... Боже мой! Неужели, в самом деле? Не ослышалась ли я? Не путает ли радио? О, нет, нет, всё верно — радио говорит о войне.

ВОЙНА! ВОЙНА! ВОЙНА! Вот и пожили! Вот, Мария Яковлевна, и рассчитывай на жизнь, надейся, жди! Что теперь будет? В городе, в народе, какое-то волнение. Везде разговоры о войне. В них слышится много ненависти к врагу и угрозы.

Меня охватило тут, в комнате родных, паническое настроение. Я не знаю, что делать! Скорее пишу письмо Ване: будто я ухожу в другой мир, с ним расстанусь навсегда... Оно так и получилось... В этом письме много патриотического написала, послала свою фотокарточку. Значит, в этот день, 22-е июня, я отослала 4-е письмо ему, а ответ не получила ни на одно. Обидно....

В Ленинграде нам оставаться уже и некогда: дома одни ребяташки. 25-го мы были уже дома. Но, приехав, я удивилась: здесь в деревне совершенно спокойно. Ну, и хорошо. Успокоились и мы. Маму сразу же сняли с председателей колхоза. Нас стали наряжать на колхозную работу, но ходила я мало. Хоть и спокойно в деревне, однако война даёт своё знать: всех шлют копать окопы к Сланцам.

Но вдруг... — 6 ИЮЛЯ в 4 часа утра — объявили эвакуацию детей с матерями по всем деревням Гдовского, Сланцевского районов. Что поднялось в деревнях! Вой, плач, стон. Я была и ночевала в Рудно. Бегу домой, а В. Я., встретив меня, сказал:

— Только не вздумай сама бежать. Винтовку в руки — да и становись.
— Хорошо. Ужо я с вами буду.

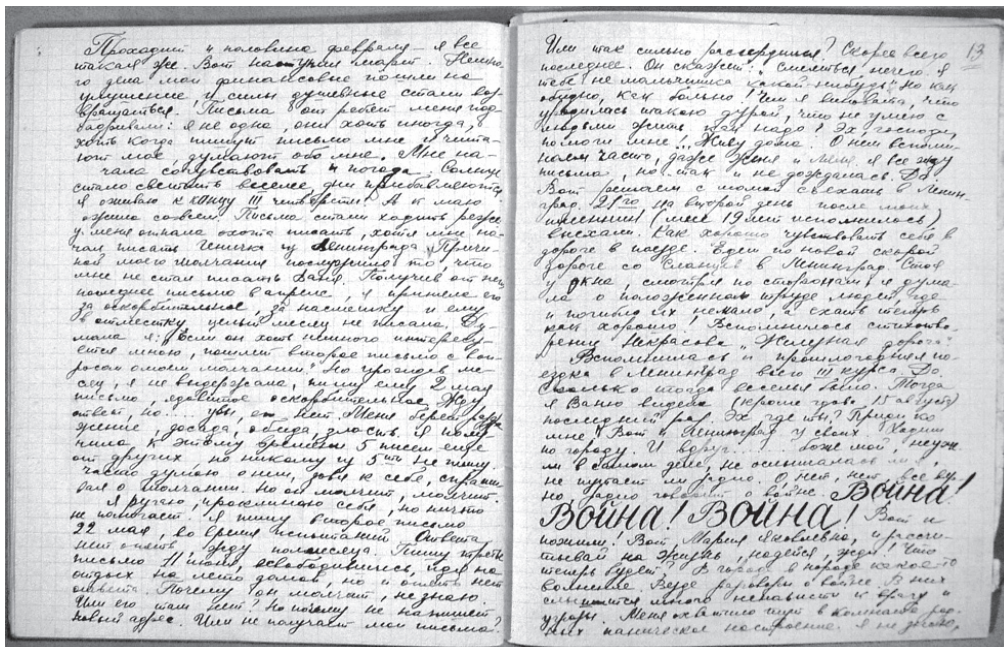
За мною бежит уже Тоня. Мама знает — всё готово, уложено. Основное взято всё (и самое лучшее), даже всё моё и Лялино. Дома остаёмся мы с нею двое. Надо много сил, чтобы пережить это спокойно, но я себе удивляюсь: нисколько мне ничего не жаль, и ничто меня не волнует. Вот обоз нашего колхоза потянулся в 12 часов, а уже ехали многие.

Идём провожать. В Климатине встретила Аню, Полю и Дуську. Вот я где расплакалась, бросившись к ней на шею. Вот как мы встретились! Прощайте, милые, родные! Увидимся ли или нет? Скорей всего, нет!

Прощайте навсегда. Они уехали, мы с Лялей живём двое. Тут каждый день едут обозы людей, стада коров. Мы не спим ночами. В деревне много людей, обозлившись на маму, не дают и нам жить. Ляля уходит догонять маму. Её догнав, поехала с нею, а все вернулись обратно. Я осталась одна-одинёшенька здесь в деревне, только с бабушкой. Ой, как тяжело, но тяжесть скрывается хорошей маскировкой — спокойствием, которое проявляется произвольно, без моей воли...

Мы очутились у власти немцев. Сколько было тревог, ожиданий! Но ничего. Ничего нового, изменившего что-нибудь тут — только не стало кооперации, почты, сельсовета. Работают по-единоличному. И я работаю одна. Сей, матушка, паши, коси, жни, боронуй и молоти! Не зря же ты училась 10 лет! Эх, жизнь. Так вот как она изменилась.

О своих ничего не слышу. Но все слухи такие, что их в живых нет. Если так — мне становится очень жаль всех вещей, особенно моих. Я очень переживаю. Ведь я осталась разутая, раздетая, голодная, холодная. Вот как ещё

придётся пожить! Переживу ли я этот, двадцатый, год своей жизни? Смогу ли перенести все эти невзгоды? Боже, Боже, помоги мне!

Итак, война ещё продолжается. Я не знаю теперь ничего и о ребятах: кто где?.. Я потеряла и свою подругу — Валою Павлову; по словам Клавки, она вышла замуж и уехала со Сланцев. Саша Соловьёва тоже — только записаться и всё. Дуська — так же. Аничка — так же. Зина Комлева у нас — так же. Вот, как видите, сколько свадеб, а ни на одну не приглашена. Это смехом.

Так вот, прошёл год. На этих нескольких страницах я записала все свои мысли, страдания... Конечно, красок тут нет, ничто не подкрашено, всё, как было. Записано, правда, немного суше, за что простите: я не поэт — писатель.

Не записала сюда несколько слов о 2-3-х вечерах, проведённых с В. А., но этого и не хочу писать, нужно будет, вспомню и так, а писать неинтересно. В них нет ничего интересного, хорошего, одни мои мысли о Ване, нарушаемые только его присутствием.

Я всё же осталась и беспартийной, несмотря на старания М. В., В. А., В. Я., А. М., Адама, на их уговаривания, угрозы, насмешки. Я ссылаюсь на нагруженность работой, на своё бессилье справиться с ней — и без комсомольской работы, а не только с нею. Я вела хоровой кружок, за что В. Я. благодарил. Вообще, я пользовалась доверием всех и каждого, а также и уважением.

Писать о связи В. Я с А. М. ничего не буду. Это не моё дело — вмешиваться в семейные дела людей. Но не советую брать с него и неё пример. Не советую вам, мужчины, так таскаться за женщинами, а вам, девушкам, поддаваться женатым мужикам. Гоните их подальше от себя, вы будете лучше, честнее... А как мне хочется любви, особенно теперь! Но её нет. Как я хочу быть с ним! Но его нет. Будет ли моё сердце спокойно до могилы? Не известно.

Итак, записала всё, и во веки веков, [М. Германова — *подпись*]
АМИНЬ.

Из тетради: август 1941 – январь 1942 гг.

<...>

20/ VIII-41 г. Среда.

Бабушка ушла жать к Никанору в шесть часов (по нашим). Я сплю, но частенько просыпаюсь. Будят аэропланы, наводя какой-то страх, какие-то нелепые страшные ожидания. Вчера — только успела затушить огонь и лечь спать — как послышалось гудение самолёта, а через несколько минут раздались взрывы сброшенных бомб. Я быстро подскочила к окну, но нигде ничего не видеть. Ночь темна. Кругом всё тихо. Небо покрыто звёздами. Поставив немного, легла в постель.

А утром вставать неохота, клонит сон. Что-то во сне нагородила, но не помню. Уже по нашим — девять часов утра. Иду к Никанору за молоком. С тетей Полиной поговорили о немецкой власти, о захваченных наших местах, о нашем населении, большая часть которого рада приходу немцев. Вот сволочи! Выразили надежды о победе Красной Армии.

Только пришла домой, начала завтракать — мимо окна по направлению к Рудно проносятся четыре грузовые автомашины, нагруженные немецкими солдатами в защитных халатах. И сзади сопровождает мотоциклист. Куда же понесло этих гадов? Слышу слух, что ими захвачена уже и Нарва. Неужели, правда?!

Неужели, на самом деле, германская армия непобедима?! Неужели у нашей армии нет достаточно сил опрокинуть врага? Неужели, в самом деле, Советский Союз ничего не имеет? Да и да! В оправдание нашей армии не нахожу сейчас ничего, как вредительство. Но где и кто? Знает ли партия об этом? Может, такие сволочи снова появились, как был Троцкий?!

Что будет, ничего неизвестно. Подождём ещё несколько времени, оно покажет какой-нибудь конец один. Выкопали вещи, которые были зарыты. Всё очень отсырело, развесила на чердаке просохнуть. Надо бы и в комнатах убрать, но руки не поднимаются. Что будет дальше?!

День пасмурный, но сухой. Всё небо покрыто серыми дождевыми облаками, тучами, но дождя нет; ветер быстрый разгоняет их... Опять гудит вражеский самолёт... Скорей бы дали им почувствовать силу русского гнева и оружия!!

Какая-то скука, тоска сковывает меня, не хочется ни за что браться, ничего делать. А дел!.. Собрались в лес. Зашла к Семёновым гумна помолотить попросить, но оно плохо. Тут Маня-чухонка гадает на кольцо в стакане. Народу много. Погадала бы, да неудобно. На маму гадает — нет живой; ребят всех — так же. Нет и Вани в живых. Да. Неужели и правда, неужели Богу надо было не дать жить ему, не дать счастья на этом свете!..

Иду в лес. К Клавке зашла — стирает. У Жени никого дома нет. Иду одна. Люди со жнитвы идут на обед. А мне тяжело, что-то меня стесняет, причины такого состояния не нахожу. Сразу же за полем свернула в лес, беру чернику. Ела малину. Время идёт незаметно. Аэропланы над лесом мчатся очень низко, как только не заденут верхушки деревьев. А люди жнут, не обращая внимания. Я же в лесу.

В голове всплывают какие-то несвязные мысли, перескакивая с одного предмета на другой. Интересно, что не думаю о маме, о ребятишках, о Ване, а всё — о школе, об учениках, о школьных порядках в СССР... и как бы было при власти немцев...

День пасмурный, вечер подошёл незаметно, И вот только теперь выглянуло солнышко, небо очистилось от туч. Красиво стало кругом при закате вечернего солнца. Всё стихло, только кузнечики наполняют воздух своей трескотнёй. Иду домой. Завернула за грибами — несколько подосиновиков, обабков и белый нашла. Раздаётся мычание коров, пришедших из пастбищ. Поднялся туман. Воздух посвежел.

Вот и вечер. И как быстро наступает вечерняя темнота, переходящая в полную тьму... Только вышла на пожню перед речкой, встретила меня бабушка. Ну, уж и пошло у неё калить меня за то, что я пугалась по лесу, а люди жнут, молотят, сеют.

— Ах, Маня, Маня! Безотцовщина ты несчастная! Без матери ты живёшь! Что ты думаешь? На кого ты надеешься? Ведь будешь ты и голодна и холодна! — и т. д. и т. п.

Мне обидно стало. Что ж сделаю я, что у меня снопы на поле? Где я буду молотить? На чём я буду пахать? Чем буду сеять? Чем я виновата, что ничего, нигде мне ещё не сделать? Эх, матушка родная, зачем меня одну оставила?! Уж хоть умирали бы, но вместе! Если жива ты, не узнать мне, умерла — так же. И ты не знаешь, как будет жить, как коротать горюшко твоя милая доченька. С кем может она поделить горюшко (а счастья-то уж и не будет), к кому преклонит она свою буйную головушку, кому откроет своё бедное сердечко??

Эх, милая мамочка, прости меня глупую, если я обижала словами или делом тебя, родимая! Может, никогда не увидишь ты меня, не порадуешься со мною одною радостью, не погорюешь моим горюшком! Не благословишь, не поругаешь! Где ты, милая, откликнись! Посмотри, как плачет твоя доченька... Ты береги себя только и своих детушек, привет им от меня. Живы будут — вырастут, а знать, может, и не будут обо мне, как и я о них.

А может, нет и вас, может, и ваши белые личеньки покрыла пыль горючая, может, ваши ясны оченьки клюют вороны чёрные?! Эх, милые братушки и сестрёнки, рано нашли себе покой! Рано оставили свою сестрицу старшую одну жизнь коротать, слезами жгучими да грустью всех вас частенько вспоминать! Никто мне слова дома здесь не скажет, кроме бабушки, никто не закричит, не заревёт, не спляшет, песен не споёт, как пела раньше маленька Валичка. Всё тихо, тихо. Сиди одна, горюй, пляши, пой и плачь, никто ничего не скажет, разве бабушка поругает. Вот сегодня-то она больше всех других раз доняла меня, затронула больное сердце. Я много плакала. Но ничего не сделаешь.

Пришла домой. Бабушка ещё покалила, но обошлось. Варит ужин, а я пишу, и слезы всё время льются рекой. А за окном тёмная осенняя ночь... Сажусь ужинать. Бабушка уже и ласковая, просит прощения и т. д. Поужинав, ложусь спать.

<...>

22/VIII-41 г. Пятница.

Бабушка ушла в Гусеву Гору. Я спала долго, а потом начала из маминной нижней юбки делать (кроить) себе платье. В 12 часов пошла жать жито. Тетя Нюша <А... вина> жнёт тоже. Она сказала, что в Васильевщине и Дворище «белыми» — немцами много коммунистов расстреляно и повешено. Насколько правда, не знаю. Да они ещё сделают!

Уже 3 часа, иду обедать. Встретила меня Каляиха и обижается, что на Фашовщине я выжала огромный край её полосы ржи. Как-то неприятно стало. Пришла, побежала, и бабушка пришла. Пошли жать двое, но прежде я пошла посмотреть туда. Да, зажато, но немного. Два снопа поставила ей. Может, мало? Она немножко расходилась, как я в ироническом тоне спросила:

— Так сколько же я с вашего угла намолочу? Меры три? Пять? — а сама улыбаюсь.

Ну, её и разобрало! Ну, да чёрт с тобой! Сыта не будешь всё равно, завистка!

Своё жито дожали. Скорей бы пшеницу делили. Поужинав, читаю. В 12 часов дочитала. После прочтения охватило какое-то чувство жалости к Григорию Лозовскому¹. И всё-таки его превосходство над людьми. Но жаль, очень жаль, что он не поддался любви, не продолжал учиться. Из него бы вышел великий человек!

Легла спать, но во сне видела, хорошо помню, Шпорина, Геню Иванова, ещё каких-то... и маленькую девочку. Вообще, от впечатления книги какие-то сцены.

Сегодня аэропланов летает очень много. Перед вечером сразу 18 штук летело, потом 11 обратно, и 8, и 3. Летают часто и много. Куда и зачем их носит? Где, что делается? Ничего не слышать, не узнать. А «барина» всё ещё нет. О них никаких известий, только поговаривают, что убиты нашими партизанами. <...>

[17 сентября]

Теперь я жду маму. По моим соображениям, она должна приехать в среду. Жизнь каждого дня почти однообразна: или жнёшь, или на гумне со снопами. И вот в среду бабушка ушла домой утром. Я же насадила ригу пшеницы и жита, стопила и к вечеру ушла в Серёдку за брусничкой. Беру ягоды, а мысли о маме. Хочу домой идти, но будто кто удерживает и в то же время гонит.

Иду. И чем ближе подхожу к дому, тем меня скорее несут ноги, тем быстрее хочется быть там. Вот вошла в свой огород, а у сарая ходит жёлтая, белыми пятнами, корова, у крыльца стоит пустая телега, дом открыт, и что-то варят. Слава Богу, наши приехали. Я рада. Всё благополучно, все живы, ничего не растеряно. Даже и Дунай в огороде.

Началась с этого дня, 17-го СЕНТЯБРЯ, жизнь по-старому, как она была год назад в летний период, с некоторыми иногда новшествами. Я получила подарок — ручные часики. Внешний вид они имеют красивый.

Я теперь часто исполняю роль хозяйки: «Полно, девушка, выходить в люди, учиться, стремиться к свету. Твоё место у печки, хозяйством заниматься да рожать ребятишек». Эх, как обидно за такие слова, а немцы их помещают теперь в газетах. Таков их взгляд на женщину...

Жизнь с мамой пошла своим чередом. С поля убрали всё, смолотили. Тут и картошка подоспела, мы таскали, сеяли, дрова резали, косили. Дни проходят за днями, а работы много. Тяжела крестьянская жизнь: век гни спину, а разогнуться и минуты не найдёшь. Вот и я теперь научилась кое-чему, чего и отроду не делала. С одной стороны я этому рада, но если век здесь коротать, то лучше сразу умирай — сколько позору и сраму для моего положения!..

Вот сейчас — и то: сколько в деревне людей, которые радуются, что всё наше ученье пропало; сколько сейчас проявляется ехидства, злости, зависти! А тогда совсем загрызут. Жаль только то, что ещё никак нельзя сейчас предположить то, что будет впереди. Жизнь внешне мало имеет изме-

нений, вот именно у нас в деревне. Всё по-старому. Но слухи, приходившие извне деревни, тревожат многих. Немец всё берёт и берёт, продвигаясь ближе к Ленинграду. А действий нашей армии не видно. В чём вопрос, в чём секрет — никто ничего не знает. Иногда до того упадёшь духом, что все надежды на наше освобождение держатся на волоске, но вдруг опять что-нибудь радостное услышишь и успокоишься.

[Октябрь].

Мимо проходили трое бойцов. Шли из-под Таллина. Они своим рассказом воодушевили, вера в победу окрепла. Но сколько появляется ненависти к Эстонии с её народом! Вот сволочи, что делают. Всех уничтожить надо, чтобы и место чистое.

Однажды, сидя у окна, распевая песенку «в бой за Родину, в бой за Сталина», увидела Адама. Быстро выскочила ему навстречу. Так я рада его видеть, но поговорить долго не пришлось — они торопились. Интересно только то, что я не скажу о своей жизни, сразу же улыбаясь, перебивает: «Знаем, Маша, всё знаем. Слышали...» Дала ему свои новенькие перчатки. Они ушли. Это было в канун Покрова-дня. Был уже снег. Снег вылетел нынче 9 октября. Точно на целый месяц раньше прошлогоднего.

[14 октября]

14-го октября. Покров. Иду в гости к Аничке. Погода на улице худая — настоящая снежная метель — но иду. Зашла к Дуське. Встретили довольно холодно. Посидела немного, направилась к Ане. Здесь Тоня Антонова с мамашей — завастинские. Я просто обрадовалась такому гостеприимству, такой встрече. Что на душе у них было, до меня не касается, но внешнее впечатление хорошее. Я у них ночевала. Компания собралась из своих людей: Аня, я, Таня, Вера Тимофеевна, Андрей <Ливатей>, Дуська.

Я всё настроение держала на себе, была необыкновенно весела, развязна. Всё было весело, живо, никому не скучно, время проходило незаметно, хотя ничего и не делали. Пели, играли. Вечером сходили в Климатину на гулянье, но кадрили станцевали — и домой. Сколько дикости, грубости, нахальства здесь!.. Аня ходит с Андреем. Вечером много трое мы чудили. Спала с Аней. Она довольна мною (как говорит), и мать тоже. Андрей ей также похвастался мною, что весела, жива.

— Ой, Машка, ты просто молодец! Я и не знаю, какая ты молодец! Молодец, молодец! — только и твердила она.

Вот у них я вспомнила наш актовый выпускной вечер, когда пили много пива — и здесь его хватило!

К вечеру на второй день пошла домой. Аня провожает. Мы разговариваем по душам. Я поведала о встрече с Адамом. У них тоже собирали хлеб, как и у нас; только у нас и картошку, а у них нет. В Климатине тётя Оля наша оставила ночевать. Отказаться неудобно. Осталась. И только на третий день, в обед, иду уже домой из гостей.

[17 октября]

По деревне проехали три раза по три немецкие легковые машины. И вдруг после этого немцы и заездили. В пятницу (17-е) приехал целый отряд к Масафьевке на наших клячах. В деревне поднялось какое-то настроение особое, ожидающее: «Что будет дальше?» Зарождается мысль: «Не отступают ли?!» В субботу утром, ещё рано, целая изба набралась вчерашних возчиков. Это везли немцев из Лужка. Там сожгли дома нежилые. Повешены 6 человек, чужих. Шпорин уехал домой. Я о Шпорине всё время беспокоилась, а раз дома, то и хорошо...

С их лёгкой руки в обед приехали в деревню цыгане — ну, и заходили. Ляльке сгадала полностью, а мне:

— За углом стояла, правды не сказала, а у него душа болит по тебе. Дай папироску, фамилию скажу.

Мама ночевать всё не пускает, но всё-таки цыганку с четырьмя ребятами пустила. У нас баня. И цыгане собираются. Самим пришлось вымыться кое-как.

Вечером гадает мне наша цыганка (Катя). И клянётся, что я выйду нынче замуж. Что сейчас в жизни я счастлива средне, а выйду — буду очень хорошо жить. Всё я переживу, скоро приедет ко мне военный — и будет свидание. За ним и замужем буду... Я хохотала, хохотала — да что сделаешь. Они отжили два дня и уехали.

[22 октября]

(22). Но в среду вдруг появились немцы. Целый обоз, и против нас остановились, и прямо к нам во вторую комнату пришли четыре начальника. Самый толстый из них (как выяснилось позднее) — комендант. Молодой в шкафу посмотрел, комнату, на чердаке, но взять — нитки не взяли. Целая изба немцев была. Ляля всё чудила, назвав себя комсомолкой. А меня узнали как учительницу.

[23 октября]

(23). В четверг поехали обратно, и опять к нам заходили, но уже самый главный начальник — новый (вчерашний познакомил). Старые друзья. Но это наружное отношение. Я с ним чудила много, показала свои фото. Мою и Лялину взял, но отдал. Я взяла его часы, да, чёрт, отнял.

Их провожают гусевские бабы. По их просьбе играю на гитаре и пою. Немцев опять целая изба. Из деревни от кого-то табаку и папирос нанесли. От нас опять ни нитки не взяли. Они сказали, что: «Ленинград, Одесса, Киев — капут!» — то есть взяты, а теперь направляются в Москву.

22-го после ухода немцев из деревни мама уехала в Луговец за капустой. Но вот уже делаются сумерки, а её всё нет. Вдруг на небе появилось зарево, даже виден огонь; все определяют, что горит Луг, и там слышны выстрелы. Я забеспокоилась. Состряпала, всех животных накормила, напоила. Уже темно, но мамы нет. Самим не до ужина.

Я очень слаба нервами. Я плачу. В голову лезут разные дурные мысли. Ведь всего 3 км тут до деревни, а их оттуда не дождаться. Вот уж поплакала!

Утром-то пошла корову доить — и то наплакалась. Наконец, и мама приехала утром.

Оказывается, Луг вечером оцепили немцы (карательный отряд), обыскали Богдановых, Кирилловых, <Мяо>, но никаких следов партизан не нашли. Дом Богданов сожгли. Вот уже было там страсти! А их из деревни не выпустили, а ночью сами побоялись ехать...

[26 октября]

Опять снег слез. Яблони в огороде срезаем, пилим, мама пашет. Пошла опять покосить немного. В воскресенье я за хозяйку. Вдруг 24 велосипедиста — мимо окна к Дубку. Один знакомый уже ещё в раму брякнул. В обед едет карательный отряд по деревне. От дяди Андрея овцу взяли. Я боялась за своих, но ничего. А потом видим: горит Дубок.

Сожгли дом Кости Евстафьева, Нюшки Сидоровой и Мишки Вихрова. Кольку Сидорова и Кольку Костиного повесили. Костю с жёнкой и невесткой закрыли в хлев (как и нашего дядю Тимофея с семьёй в Засторонье), три раза выстрелили и зажгли. Нюшка Сидорова куда-то убежала. Бориса Хрулёва и Вихрова Ф. убили. У Вихрова ребят много, только вот всех и не расстреляли, и корову оставили, но дом сожгли. А вещи сами помогали вытаскивать.

Вот появилось сколько у нас новостей. Но всё это вокруг нас, а мы на себе не чувствуем, Боже, не дай и почувствовать. У нас ещё в четверг и в пятницу были супрядки. По их нравам и обычаям очень хорошие (я уверена — ни у кого весёлости столько не будет), но с точки зрения «нашего учёного круга» — скучновато, минутами неловко (не знаешь, как бы выйти из положения).

Вот так и живу теперь. За каждый день писать не всегда охота, да притом и нечего особого, а в общих чертах не интересно. Теперь буду опять регулярно строчить. Тут нас вечерами не забывали: то Ваня Семёнов, то Володя с Альбертом. Последние посещают чаще всего. Володька — человек нашего круга, с ним находится разговор из жизни ученья. Но о чём говорить, например, с Шаляпой?.. Таких бы, как В. П., здесь побольше, сюда бы Ваню Бажевельникова, Сергея Алексева, Шпорина, Геничку, Петю — ну, и житьё бы было. Да. Эх, где вы, милые товарищи! Может, кто из вас, оскалившись, на поле битвы лежит. Да. А я всё же вас не забываю, думаю, помню. Мечтаю. С кем бы из вас хоть встретиться!

Тут в воскресенье мне старая цыганка сгадала:

— Ума и красоты в тебе достаточно, но счастье твоё в жизни среднее: что ты хочешь, то не делается, а что не хочешь, то делается. Кого ты любила, ты с тем рассталась; а думает о тебе другой, с кем ты стояла, но правды не сказала. Выйдешь ты нынче замуж — от кого письмо с фотокарточкой получишь; будешь первая невеста в доме, счастливая. Будет он не штатский, а военный, с голубыми глазами, русыми волосами. Что будет давать, не бери с левой руки — будешь несчастлива, а бери с правой — будешь счастлива. Живёт он недалеко, звать его Миколай Иванович. Будет у тебя трое детей: два сына и дочка.

Фу, чёрт, ещё как соврёт. Наколдуете вы, цыганские потеряшки, что и в самом деле выскочишь — только не за кого. Много над этим смеялись.

[29 октября]

Сегодня 29 уже октября, среда. Приходит второй месяц, как, бывало бы, занимались, и уже пятый идёт месяц, как началась война. И сколько уже взято у немца! Ведь это просто ужас. Ужас, что творится сейчас в окружённом Ленинграде. Ни света, ни воды, ни хлеба! Как-то там тётя Матрёша со своими, тетя Катя! Хорошо, что Вова с Валеё в деревне. Они хоть сыты тут. Они сегодня у нас. Валя спит со мною. Вот уже 15 минут второго. Я никогда не сидела так долго. А только сегодня что-то захотелось подогнать в общих чертах факты за этот период.

Вчера (28-го) где-то стреляли, были видны взрывы снарядов в воздухе, но где, что — никто ничего не знает. Ложусь спать. Счастливого сновидения, Мария Яковлевна! Увидеть своего наречённого!.. А всё же, как скучно, скучно здесь! Как одиноко, однообразно, холодно проходит моя жизнь! Эх, где вы, идеалы счастья?! Полвторого. Сплю.

Четверг. 30-е октября 1941 г.

Утром поднялась уже в девятом. В комнате ещё холодно. Но уже топится печь. Я, убрав койку, вяжу к простынке кружевину, сидя на диване у окна. Настроение праздничное. Позавтракав, ухожу к Клавке Лаптевой. Иду в валенках: на улице хоть снегу и мало ещё, но мороз всё заморозил. Сегодня, против обыкновения, холодно. Холодный и сухой северный ветер продувает всю насквозь. Он налетит шумным вихрем, поднимая и крутя сухой, как крупа, снег.

Самая настоящая зимняя погода, лишь снегу маловато. Как-то чувствуют себя «доблестные солдаты непобедимой Германской Армии»? Видно, пляшут «русского», отбивая дробь застывшими зубами?! И как-то ведут себя Красные бойцы и партизаны?! Этим зима-матушка сродни, может, и проявит к ним милость... Дай-то Бог!

Несмотря на такой холод, сегодня всё-таки опять к Рудно проехала грузовая машина с солдатами. И будто что случилось: немецкие самолёты залетали, грозно воя, взад и вперёд, через нашу деревню, как голодные шакалы в поисках добычи.

У Клавки вяжу. Т. Дуня хвалит за «рукодельность». Ведутся разговоры о международном положении. Останавливаемся на том, что нашим не победить. Строим планы жизни под властью немцев, но в них ничего отрадного. Да, вот дожили — учились, а для чего? Возиться у печки, купаться вечно в говне и грязи деревенской жизни? Но иного выхода нет. Куда идти бывшей советской девушке? Все двери перед нею закрыты.

Пришла Зина Каляева. Вот уже и дома! Она и рассказывает, что вчерашняя (у них ночевали, да и в деревне много) беженка говорит о том, что советский ни один педагог работать при власти немцев (по их будто бы словам) не будет. Вот тебе и на!.. И опять пошли толкования и суждения.

Вспомнили и о Дубке. Люди сгорели до того, что черепов нет, даже спины прогорели. Все похоронены за деревней. Пришла М. Макарова и сообщила, что дубецких выдал какой-то Сашка Блин, которого истязали, пытали, коя иглами. Я вяжу, а саму злость разбирает, насколько людям нельзя сейчас верить, как дик человек, хотя бы и тот немец. Культурная страна, любящая даже собак, как может пить чужую кровь, не смутившись! И не дрогнет рука убить, повесить, сжечь заживо человека, который не принёс тебе ни на грош вреда... Да.

С ними пообедала. Т. Дуня сказала, чтобы мама собирала хлеб:

— Петька говорил, что нашей деревней должны собрать 23 пуда (по 3 кг с едока). Ведь сами никто не соберёт. Пусть скажет старостам, те соберут.

Да-а... А с хлебом у нас и на самом деле плохо. Что как будет?! Дальше т. Дуня сообщает:

— Пришла М. Макарова и говорит: «Пришла девочка Сашки Ильюшкина и говорит, что у тети Вари и Германовых партизаны живут. Так вот немцы за ними и следят. Мишку-то уже обыскали». Ну, я говорю, — говорит т. Дуня, — в такой армии кто может жить? Что-то от ребят скроешь? Своим-то места только. Кто там живёт! «Ой, и не говори, Дунька, и не заступайся; раз люди говорят — видно, правда», — говорит Манька. Да ведь и сама знаешь, какая она, — добавляет т. Дуня.

Вот как! Значит, Маня уже снова выдумывает, как бы изжить маму, что бы напести. Ну и чёрт она! В деревне опять много беженцев. Не знаю, врут или правду сообщают они. Но говорят, что

ВОРОШИЛОВ ЗАСТРЕЛИЛСЯ.

Сейчас и верить нельзя, но... Вполне возможно: он вёл переговоры с Гитлером о сдаче Ленинграда, но Сталин, главнокомандующий всеми войсками СССР, приказал: биться до последней капли крови, но не сдавать. Вот и чины, слава, мировая известность — всё летит к чёрту. А жаль его, если на самом деле! Это подлинный человек — пролетарий, выросший и приобретший известность в тяжёлые годы Гражданской войны, закалившийся, с большим военным опытом. Таких людей жаль, особенно если с ними так поступают.

Да, во многом ошиблись наши Советские правители. Очень метко осмеивает их немецкая печать («Правда»), да и поделом. Всё держалось на ружье; НКВД следил и на воде, в воздухе, на суше — не только за словами, но и за мыслями. Каждого подозревали, но никого не осматривали, поэтому на наших заводах, фабриках, секретных предприятиях работали умелые шпионы, занимая видные должности. Вот они-то и вели дела так, чтобы восстановить народ против этой власти. Они этого добились, так и получилось, что приходу немцев рады почти все поголовно. Да, а что будет ещё?!

К вечеру ветер усилился, пошёл сухой снег. Думали, что Валя Павлова дома, но обозначились: это беженцы у них ночуют. Опять их целая деревня. Каждый день всё едут и едут от Красных Струг, Лигова, Петергофа, Пушкина... Сколько там везде выжжено, разрушено!

1-е декабря. Понедельник. 1941 г.

Хотелось бы писать ежедневно, но... как-то получается так, что запись запускается надолго — не хватает времени на это. Жизнь идёт внешне очень однообразно: мало изменений, неожиданностей, приключений.

Прошёл опять целый месяц. Хочется здесь пометить о нём всего в нескольких словах: немцы ещё от нас не ушли, наши не пришли — всё остаётся так, как было. Я начинаю чувствовать себя настоящей деревенской «бабой». Да, именно баба — и никто иной: сижу дома, вышиваю, вяжу, готовлю обед иногда, мою полы, стираю, хожу за скотиной, ходим в лес рубить дрова. Вот, милая Мария Яковлевна, ваша учёность пригодилась к чему! Празднуем все религиозные праздники, бываю иногда и на гулянках. Вот так проходит время. И всё-таки оно летит незаметно, быстро, молниеносно. Не успеть оглядываться на жизнь, на себя: как стареешь, как увядаешь. А почему? Как обидно и больно — не видела ещё жизни.

[11 ноября]

Отпраздновав у Анички Покров, я ожидаю нового праздника, на который уже приглашена Клавкою. По её словам, праздник будет на славу. Главное то, что можно всю душевную горечь обжечь огнём самогонки (это было хорошо!). Ждём.

Наконец, подошёл праздник, 11 ноября. О 7-м ноябре не напишу ничего, так как больно говорить о том, что преследуется теперь, на что смотрят косо, и лишь немногие переживают это глубоко. Наша четвёрка (Клава, Женя, я, Ляля) отпраздновали воспоминанием о прошлом, оделись в лучшую одежду, пропели ряд революционных песен. Хотелось плакать. Скучно. Думают ли о нас там, на Советской земле?! Где-то свои друзья, знакомые?! Вечером у нас собралась молодёжь, мужики играли в деньги (очко). Я была рада, что всё-таки этот день был отмечен, не был похож на будни.

Анастасия.

На улице замечательно. Крепкий мороз сковал все воды, сухо. Снег приятно хрустит под ногами. На нём яркими красками играют лучи солнца в каждой маленькой снежинке. Деревья покрыты инеем. Холодно, но приятно. Одевши новую белую вышитую кофту, шерстяную юбку, туфли, одев на руку часы, в шапочке, осеннем пальто отправилась к Клавке.

Народу много. Гости за столом. Сажусь и я под «натиском» Клавдии. Из нашей учительской среды — я, Шура Соловьёва и Клавка; все с часами — красиво смотреть. Но Сашка Куликова удивила меня своим нарядом — так он ей не к лицу! И вот, сидя за столом, я вспомнила слова Кл. о заливке внутреннего горя алкоголем. Но — увы! — всего одна рюмочка, да и то чуть только попахивает, а то просто водичка. Было, правда, и пиво. Подзакусили.

Набралось молодёжи, поскакали, песен спели. Клавдя ушла заботиться о вечере, а тут пришли Тамара Кириллова и Валя Смирнова из Дубка да Любовь Александровна — и мы просидели в разговорах до ужина. Л. А. сообщает, что Адам и В. Я. убиты, что многие из их группы взяты, всё разрушилось. Жаль, жаль! Эх вы, милые, дорогие товарищи! Ну, ладно, вы не умрёте в памяти у нас, оставшихся в живых!

Ужин проходит, но разговор напряжён. Я стараюсь больше молчать, наблюдая со стороны за всеми. Всем разговором завладели Клавка, Шурка и Л. А. Первые две — о Сланцевской школе, её порядках, педагогах и т. д., а Л. А. — о нашей Рудневской школе, о В. Я., А. М., о наших порядках, частенько обращаясь ко мне за поддержкой. И как это нехорошо! Они трое перекликаются, а тут ещё пять человек молчат.

И я мысленно сравниваю этот праздник у Клавки и праздник у Анички — большая разница. После ярких слов о празднике Кл. — мало результата, а у Ани так хорошо и просто получилось. Я рада за неё. Всё-таки у неё были все свои, из одной воспитавшей нас среды педколлектива, а тут сброд.

Пошли гулять, но мы с Лялей — прямо домой. Дома, как разъярённые собаки, набросились на нас, подтрунивая, дразня, ребяташки, храбрясь тем, что и мама поддерживает их. Стало обидно и больно. Я вспоминаю годы педучилища, вечера в нём на выходные.

На второй день только я собралась выйти хоть опять к Клавде, как пришли девчата и ребята — целая изба. Дома я одна: мама и Ляля в Шавкове. Просмотрели мои фото, почудили над ними, а у меня сердце рвётся на части, рыдает, а внешне я весела.

Коля Шаляпа всё заигрывает, а как дико получается. Я злюсь, не обращая внимания на него, обдирая. Все смеются, он не понимает. Даже до того, что все ушли — он всё сидит. Я, не обращая внимания, переодеваюсь, иду на двор стряпать — и лишь только тогда он уходит.

[13 ноября]

Вечером я нигде не была. Наутро мама будит завтрак готовить, а сама в Гусеву Гору едет, но собралась и я. Как хорошо ехать. Давно уже я так не ездила, да и притом уже 5-й месяц не была в той стороне, где произошли кое-какие изменения.

День хороший, солнечный, но морозный; ветер дует холодный. В бору много спущено бомб. Вспомнила об убийстве <нрзб.> с Захаром и невольно оглядела гордо и тихо стоящие сосны, лишь вершинами робко о чём-то негодуя. Глядя на дорогу, вспомнила поездки, бывало, в Гдов. На эту дорогу похожа дорога на Евсеевку. Да, там я уже не была целый год, а за это время сколько произошло там изменений. Многих в Гдове уже не увидишь из знакомых. Говорят, наш Ребкен занимает видное место, и по его вине гибнет много партийного народу. Там же заправляет и Роман Архипович Кропотков.

Вот вы, милые педагоги, нас, бывало, одёргивали за политические слова против власти, приговаривая: «Германова, следи за собой, о чём говоришь. Стены и те слышат». А сами вот теперь как. Но ведь, с одной стороны, каждый жить хочет, а другие вопросы — не тронь. Интересно бы их встретить: как бы они отнеслись?!

Я обогрелась у дяди Максима и бегу в Рудно. Здравствуй, Рудно, давно тебя не видала! Здравствуй, школа, как поживаешь ты? Да и да. Захожу к В. В. Она, кажется, ещё меньше стала ростом, похудела, под глазами появились чёрные круги. Видно, жизнь так же не красит.

О В. Я. сведений не имеет, так как почти развелась с ним — вернее, ушла от него. Его бельё и костюмы немцы унесли. Всю школу разграбили, стёкла перебили, даже рамы выбили на кухне. Боже, Боже, для этого ли всё старались приобрести!..

В деревне все косо глядят, ругают, смеются. Особенно Марья Ивановна. Но Валя тоже не спустит. Молодец. Особого со стороны немцев плохого нет. Они часто ночуют в школе. Бюсты Сталина и Ленина пока ещё целы. В. В. обижается очень на Л. А., даже сердится, что последняя боится к ней ходить — что навлечёт на себя внимание немцев, а в штаб — то не боялась идти. Да, это и верно.

Посидев немного, дошла до школы, обошла кругом, взглянула за реку, на почту, и поскорее направилась вон из Рудно. Как жаль стало школы! Какой вид она стала иметь! Хочется плакать, кричать, бить виновного — но слёзы не катятся, и язык отнялся, виновного рядом нет. С полной бешенства грудью мчусь до самой Гусевой Горы бегом. Эх, вот что может сделать война, а это ли и сделано!

Пришла к бабушке, мама уже там. Пообедали. В Рудне ходит слух, что я партизанка, хожу по деревням, собираю сведения и передаю в лес «лесным жителям» — партизанам. Вот теперь-то нашей семье и не жить! Радуйтесь, сволочи! Нет, назло вам всем Варвара Ивановна и всё её семейство будут жить!

Едем домой, нас обгоняют немцы на подводе. Узнали: переводчик (учителка) и Лялькин офицер. Они тоже узнали нас. Холодно — мчимся быстро. Нас догоняют ещё на двух подводах немцы. Приезжаем, первые уже у нас (офицер — даже разувшись, раздевшись) — обедают в другой комнате. Загрелись все, чудим с ними.

Нашей деревни молодёжь собралась. Я в шашки с переводчиком играла, чудили, смеялись. Играла на гитаре вальс, а Ляля с офицером танцевали. Офицер схватил, увидев на комод, Сталина — и в карман, а Ляля отняла. Он ставит открытку Гитлера на комод, а она, вырвав её, бросает на пол с возгласом, полным ненависти: «Не погань комнату!» Они смеются, и все другие. Переводчик сообщает: «Сталин полжида. Гитлер добрый человек».

Да, добрый! Ироду этому кто бы башку свернул! Бедный Сталин, как только его и не раскритикуют. Вот подлинные слова из «Правды» за 18 октября 1941 года из «Раёшника»²:

*А сам «отец народа», что мучает народ 23 года,
решил с Москвой распрощаться.
«Пора, — говорит, — восвояси убираться,
в Сталинград,
потому немец — не свой брат,
он и до кавказского носа добирается,
вот как старается!
А мой кавказский нос вроде еврейского, с горбинкой,
не хочу, чтоб немец бил по нему дубинкой.
Я лучше сбегу так.*

*А там недалёк и Ирак.
Я, братицы, вам не дурак,
недаром Джугашвили.
Когда-то мы банки громили...»*

Вот как разбирают его — по всем косточкам! А заслужил ли он это! Эх, вы, сволочи! Что вы делаете с русской землёй!.. Ляля чудит, выучилась разряжать и заряжать револьвер. Обещали быть у нас 27-го. Они уехали. Ушли и Женька с Клавдей, которые вертели всё время перед немцами: тот-то посмотрел на них, тот-то и не взглянул. Фу, вертушки. Ну, теперь пойдёт по деревне опять, как бывают у нас немцы просто — только чуют и смеются.

Но что можно сделать?! Ведь не набросишься на горло одному из них. Это нелепо и бесполезно. Ведь мы же не виноваты, что они почему-то именно к нам заезжают, уже как к знакомым. Люди будут судить и рядить, но вот наши, кто был, видели, что мы с ними грубим, не нежничаем или кокетничаем перед ними. Но мы опять не виноваты, что они всё превращают в шутку. А, на самом деле, в сердце сколько ненависти к ним. И я часто вспоминаю рассказ «После бала»: вот они смеются, сидят — такие, думается, хорошие — а что проделывают они за стенами. В Дубке работал как раз этот офицер. Эх, сколько отвращения! Но внешне очень это показать нельзя.

[Перед 21 ноября]

Вот прошли эти дни. Опять нет изменений. В одно из воскресений были Аня и Дуня: посидели, поговорили. Дуська не была у меня целый год. Обстановка очень понравилась.

Их пригласили в гости. Приближается праздник наш. Полностью его справлять не из чего. Пива и вина не будет, а так стол собрать хотим. Но из-за этого были бурные сцены с мамой в союзе с ребятами. Но я знаю, что это только так мама высказывает. Ей тяжело сознавать, что она стареет, у неё нет дорогих гостей, но для меня она устроит. Обсуждаем план приготовления — что из чего сделать.

Подготавливаясь к празднику, становится не по себе. Вспоминается четверостишие из какого-то стишка:

*Встретит праздник родной
Он в чужой стороне,
А быть может, давно
Он убит на войне.*

Но время ни на что не смотрит. Праздник приближается. В кануне (20 ноября) убрали, вымыли везде всё, в баню ходили. Пришла бабушка и сказала новость, что В. Я. и А. А. взяли в Ельме, у матери В. Я. А. А. повесили. Спрашивали у него об их местонахождении, а он ответил:

— Ничего я не знаю, никуда я не ходил. Больше ни слова от меня не добьётесь!

А В. Я. сказал:

— Пойдёмте в штаб! — и, видимо, там расскажет.

И его тоже убили. Эх, жаль. Это уж точно, говорят. Но я не верю. Это не такие люди, чтобы умерли зря. Нет. Они будут живы! А всё-таки очень жаль А. А., если верно. Вот тебе и Вера! Но у Веры будет ещё такой А. А., а его-то больше не будет. Как-то расстроилась я очень. Завтра 21-е ноября, Михайлов день. А сегодня Женя — именинник. За день я очень устала, не поднялась даже кости грызть из студня.

[21 ноября]

Утром мама разбудила рано. Печём пироги, пряники, делаю котлеты. Всё утро в хлопотах. Позавтракали, оделась. Пришли Шура и Клавка. Ждём Аню и Дусю. Наконец, и они. Обедаем. Пришла Л. А.

Весело — все свои, а главное — своя учительская среда; всё, как дома. А это лучше всего. По рюмочке выпили, закусили. Стол богат, как позднее высказывали своё мнение Л. А., Аня, Клавка. Этого не ожидали — что так много и вкусно наготовлено: винегрет, студень, рыба, котлеты, картошка тушёная с мясом, кофе с пряниками, пироги. Я рада.

Время летит. Поём, играю. Пришли Коля Шаляпа и девчонки. Не найти помещения, где гулять. Коля очень пьян, уснул на лавке; гнала, гнала — не угнать. Клавка вытолкала в коридор; он там уснул, облевавшись. Фу, сволочи пьяные. Вечером, проводив Л. А. до дому, идём в Новоселье гулять. Встретили завастинских, вернули.

Народу очень много. Здесь Ефремова Тоня. Мы, учителя, — все вместе. Ведь нас восемь человек. Четверо с часами. Мы так все кучкой и держимся. Танцуем. Играет на гармошке Минаич из Самро. Молодец, не ломается, играет всё, что закажут. Мне он очень понравился. У него глаза и нос Адама. Клавка старалась познакомиться, но дело не вышло.

Пришли дядьки. Один дубецкий очень много чудил, танцуя с Клавдей кадриль. Мы от смеха надрывались, а потом его же ободрали. Фокстроты танцуем мы, учителя, а общие — сидим. Нас обдирают, да и ещё больше за часы. Обидно, да ладно.

Дунька и Аня идут домой. Шура пойдёт ночевать к Клавке. Ну, и пусть. Иду с Володей. Сегодня Клавдя сосватала Ефремову Т. идти к Ильиным. Смех. Я <скачу> как большая. На сукрёстке постояли, поржали — и домой. Володя проводил до самого дома меня. Смеялись.

[22 ноября]

Наутро опять готовлю рано: сегодня, 22-го, опять все соберутся, да и ночевать будут все. Всё готово. Иду в деревню. Ильин принёс маленькую самогонки. У Володи чудили с т. Настей о женитьбе Володи на мне. Пиво я выпила 2 стакана. Опять обед. Опять весело. Опять все. Но вчера горевали о В. Я. и А. А., а сегодня радуемся: они живы и невредимы, того и нам желают. Они тут недалеко, их видели.

В Гдове наших 5 самолётов спустились на аэродром, и высадилось 500 человек командного состава, и разошлись по лесам. Это говорили немцы, которые и уехали все отсюда в Гдов — ловить.

То и полюбее. Отправились опять в Новоселье. Иду с Аней. Она изливается о любовных делах с Андреем. Нас взял Шаляпа. Идём. Да, и ди-

карь. От нечего делать я песни пою. Я вспоминаю Вересова. С ним мне не было скучно. Как сейчас помню: из лагерей шли на станцию (однажды взяв дневник, об этом прочитала). Эх, было время... Опять весело, танцуем. Но вот Ляля сказала, что наша деревня окружена немцами. Тревожно стало, но ничего.

Гуляли долго. Пришли уже в первом. Мама не ожидала, что придут ночевать все, но, слава Богу, всего хватит и на третий день. Поужинали, поговорили о страстях, пережитых за этот период войны, — и спать. Я с Аней, но сплю тревожно.

[23 ноября]

Утром 23-го встала — ещё темно. Всё готово. Завтракаем. Третий день гуляем. Вот как у нас! Сегодня воскресенье. Гуляют у нас. Весь день девки у меня. Они собрались домой. Пошли к Клавке. Пели песни — выходит замечательно. Пообедали.

У меня настроение сегодня — петь. Я пою без умолку: кончив одну, начинаю другую песню. Вспоминаю, как выступала с песнями: «Я на подвиг тебя провожала», «Голова ль моя, ты головушка», — на наших вечерах. Мне скучно, сердце... ой... А внешне — я начинаю вертеться, мне не найти нигде для себя места.

Сходили с Аней к нам. Она довольна нашим праздником, и Л. А. так же — ну, и хорошо. А другие меньше всего. Пошли на вечер в канцелярию. Как плохо и <зло>. Аня и Дуня сразу ушли. Недолго была и я.

Дома сидела долго. Достала все фото, переглядела все до одной, хотя на память уже каждую знаю. Достала письма Генички, Мишки, Вани; перечитала все до одного, особенно последнего. Как жаль, что я сожгла все остальные письма, особенно Шпорина! Как жаль, что я перестала писать Геньке, Мишке! Эх, Ванька гадкий, это ты виноват! Ну, ладно. Неужели я с вами не встречу?! Нет, подождите, Маша будет с вами.

Вот и, слава Богу, проводила и я праздник, как у людей. А с понедельника всю неделю занимались заготовкой дров. Два дня возили и резали в лесу дрова сухие, один день на <Руче>, потом у дома. А вечерами сейчас сижу долго. Днём немного сделаешь, очень за день не устаю. А ночи длинные. Спать скучно. Я вышиваю комбине. Скоро кончу. Вяжу скатерть. Уже половина кружочков связана.

[27 ноября].

Пришло и 27-е, а немцев не было. 26-го мы режем дрова у дома. Вдруг останавливается легковая машина. По форме вижу: комендант зовёт. Иду. Спрашивают, где живёт староста. Переводчик молодой, по-русски говорит очень чисто. Оказывается, это гдовский комендант и переводчик. Мы теперь их. Ну, и чёрт этот — зверь зверем глядит, не то, что главковский был. Ну, всё пропало. Наш хлеб ещё не собирали. На собранье мама согласилась и на том, чтобы собрали 24 пуда ржи, 24 пуда овса, а других культур не надо. Всё обошлось хорошо, но теперь опять многие говорят, что собирать не будут. Мама снесла мешки к старостам, не знаю, как что будет.

<...>

[28 ноября – 1 декабря].

Сегодня, позавтракав, отправились четверо в лес рубить дрова на своей полосе. Я удивилась такой быстрой перемене в природе. Вчера бушевал ветер повсю. Сегодня так тихо, не шелохнётся даже маленький прутик. Мороз. Солнце. День чудесный. Небо чистое, красивое. Мама с Борей валят с корня берёзы, мы с Лялей обчищаем сучья. Днём летело несколько самолётов, но из-за набравшихся облаков их не было видно. По гулу — наши. Потом до самого вечера слышны отдалённые оружейные раскаты. Где-то идут схватки не на жизнь, а на смерть. А из-за чего?! Кому это нужно? За день-то все уже устали. Уже вечер.

Ужинаем. Пришла беженка за молоком, от которой мама керосину 8 литров купила. Вот человек-то: ничего деревенского не знает, век отжила в Петергофе, там и родилась. Смешно. Они с мамой говорят о том, как придётся жить при власти немцев. Очень расстроилась... села швы <запошнить> в шёлковом платье, еле кончила. (Платье мама за переезды испортила, получились дырки, теперь стало уже. Буду его красить в чёрную краску).

Вот пишу уже четыре часа, даже рука устала. А ночь сегодня замечательна, тихая, светлая. Эх, где эти лунные ночи в годы педучилища?! Ладно. Кончаю. Что-то опять гудят самолёты. Что-то делается на фронте? Как-то наши чувствуют себя? Давно уже и немецких газет нет. Хоть там и на копейку правды нет, но всё-таки читаю с удовольствием. А и метко же, гады, бьют словами по порядкам в СССР, метко и удачно подбирают и выискивают цитаты и рифмы для осмеивания, для критики. Например, из песни «Моя Страна»:

*Лжи Советов силы нет измерить,
Ложь у них во всём на языке,
И в одно им только можно верить —
В список лиц, расстрелянных в Чеке.*

*Здесь у них уж дело без обмана,
Здесь они стахановцы вполне,
Коммунизм в народ вводя наганом
И приставив всю страну к стене...*

[М. Я. Германовой воспроизведена карикатура «Родной дядя». Сбоку подписано: «Но ведь иначе они и не могут говорить о нашей стране»].

*Дядя Сталин — друг детей.
Он не дарит им игрушек,
А по доброте своей
Гонит их под дула пушек.*

Вот ещё какой карикатурой выдумают нарисовать. Где и какие дети? А то ещё:

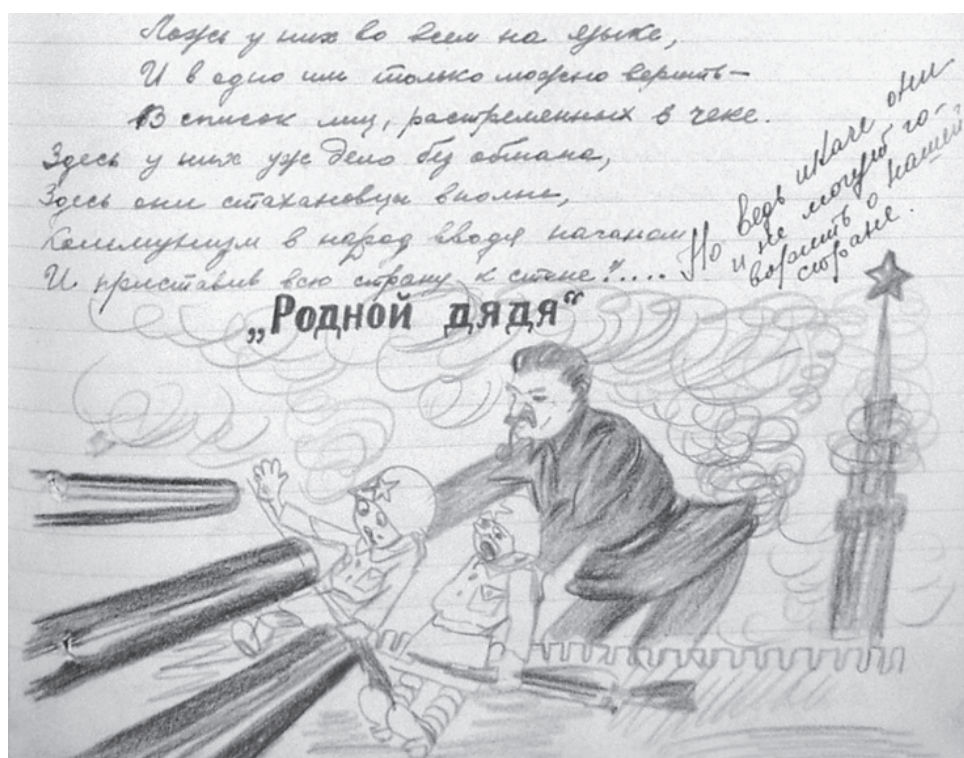
*Тимошенко так ослаб,
Что послал на фронт и баб...*

Они не обходят стороной и женщин, описывая их «тяжёлое» положение: «Советская женщина на деле находится в рабстве, какого не знала ещё ни одна эпоха. У неё отнято всё — и семья, и муж, и ребёнок. А взамен ей предоставлено право заменять мужчину в самых тяжёлых производствах, и, работая там, она обречена на физическое вымирание. Советская женщина теряет способность стать матерью, ибо каторжный труд делает её уже не пригодной к деторождению».

Вот вам, советские девушки. Вы теперь не потеряете способность стать матерью, будете годны рожать по 10-15 ребятишек, вечно знать печку, хозяйство, грязь, говно, пьяного, грязного, некультурного мужика-мужа. Вот твоя участь. Вспомнишь слова Некрасова:

*Да не та тебе выпала доля —
За неряху пойдёшь мужика.*

Вот стремились вы учиться, выйти в свет культурными, образованными девушками! Вот ваша культура; вас освободили от неё — она вам запрещена!! Эх, боже мой, какая наглость, какая ложь! Вот, Мария Яковлевна, мечтала быть культурной, быть настоящей Советской учительницей, подлинно на-

родной! Молодец, добилась! А не хочешь ли ухват в руки да к печке, а потом в грязи с ребятишками купаться, как мамаша твоя! Это, пожалуй, лучшее, что можно ожидать! Эх... Где вы, милые, дорогие, скоро ли будете здесь?!

Как скучно! Как много бы я поговорила с вами, милые, но — увы! Писать так же нельзя! Тут и так много лишнего по теперешнему времени. Ну, да что будет! Если убьют — чувствуется всё же моё нутро. Ложусь. Уже 12 часов. Спокойной ночи, Мария Яковлевна! Спи.

2 декабря 1941 г.

День праведных трудов окончен. Можно с удовольствием оглянуться на результат своей работы. Проснувшись, мельком взглянув в окно, где ярко золотилось ясное небо, задремала опять, но мама будит завтракать, и на работу. В огороде ещё яблоню разрезали с Борькой, пока мама запрягла лошадь. Едем трое. Ляля дома — стирает бельё. Мама возит дрова. А мы здесь разделяваем берёзы. Эх, и хорошие же дрова будут: чистый березняк! Отсюда же возят дрова Володька Павлов и Колька Морозов.

В лесу весь день, до самого вечера. Днём тихо, иногда только дятел постукивает по берёзе, находя себе пищу, да воробей пропоёт над тобой. Небо серое, пасмурное, будто оно всегда такое — нет нигде хоть малейшей светлинки. К вечеру поднялся ветерок. Стало холоднее. Зашумели, закачались вислые тонкие берёзы. Воздух потемнел. Опускаются, окутывая всё, сумерки, когда выезжаем из лесу.

Я иду с мамой, рассуждая о жизни вперёд, если власть окажется немецкой. И, несмотря на всю тяжесть теперешней жизни, мама не горюет, уговаривая и подбадривая нас. Как жить ни будем, а хуже людей не будем. И мы — Ляля и я, две молодые девушки — не будем ни одеты, ни обуты хуже других, хотя нет отца, хотя так, на взгляд, бедно живём...

Перешли на разговор о гаданье на Новый год. Где-то буду в новом, 42-м году, как-то встречу его?! В деревне уже огни. У нас Женя. Пришла Клавка. Она была у Шуры. Говорим о последних новостях. Она сама видела нашего Сергеева. Весел, чудит, смеётся.

— Живём, как дачники. Нас не поймают!

Да, всё же и молодцы! Вот тебе и собаки-ищейки, и облавы на деревни, и обыски, и рысканье по лесам! Ничто не помогает. Жили под самым носом, но никто ничего не знал. Всё же молодцы. Все живы, веселы. Сегодня куда-то ушли. Никому не известно.

Тётя Дуня Соловьёва была в Гдове. Вся правая его сторона сожжена. Наше (Фоминское) здание также сгорело. В городе и на рынке очень много рыбы: крупная — 4 руб. за 1 кг.; мелкая — 1 руб. 60 коп. (советскими деньгами). В воскресенье в Вейно собрание старост проводил наш Ребкен, заставив перед началом помолиться по-немецки за Гитлера. Посмеялись, представив наших старост (Сашу Ильина, Ипатову, Молчанова) с поднятыми вверх руками. Поговорили о Ребкене, о его жизни (что знали), обвиняя его такое поведение.

Они ушли. Поужинав, развесили бельё на чердаке — и пишу. А глаза начинают закрываться, да и руки болят: я сегодня устала порядком... Скоро

день Конституции, 5 декабря. Опять, видно, сбросят наши газеты. Вот уже было две, а мы ни одной не читали. Жаль, очень жаль! А в них, говорят, наши пишут, что к весне победа будет за нами, и враг будет отброшен обратно, за пределы нашей родины. Дай-то Бог! Помоги, Царица Небесная! Сразу поотраднее стало на душе.

Из Ленинграда как-то пробрался парень, недалеко от Марькова, из деревни. В городе спокойно. Всех продуктов достаточно, только овощей нет³. Американских 500 самолётов сбросили при нём по 50 тонн хлеба каждый. Рабочие настроены патриотически:

— Мы работаем по трое суток без отдыха. Если потребуется, будем работать по пяти, но Питер будет наш, Питер не сдадим!

Правильно и делают. Слава и честь вам, дорогие товарищи Ленинграда! Держитесь мужественно и стойко! Вот где счастье! Вот где можно помочь родине хоть чем-нибудь! А у нас?! Эх, горькая наша доля! Долго ли будет она продолжаться? Сплю. Уже 11 часов.

3 декабря 1941 г.

Сегодня дома. Топлю печь, готовлю завтрак. Стираю бельё. Так проходит день. К вечеру иду полоскать на речку. Погода пасмурная, но тёплая. Поднялся ветер, пошёл сухой мелкий снег. Выполоскала мотушки. И в голове сразу проносится мысль о будущей жизни.

Вот она, матушка, жизнь! Век свой будешь коптеть в деревне бабой-неряхой: полоскать, мёрзнуть, ткать, пряхь. И я начинаю уже привыкать к этому, спокойно всё принимать на себя. Удивляюсь этой перемене в моём характере. Раньше этого не было. Всегда отзывчивая, принимающая всё близко к сердцу, раздражительная, обидчивая, ревнивая — стала более спокойная. Правда, старые привычки ещё проскальзывают. Тогда становится жаль себя, своего положения, но... Увы! ничего не сделать. Только думаешь, думаешь — и, кажется, легче.

Вот пришла баба Оля. Заговорили о теперешней власти немцев. Неужели они останутся теперь у нас навсегда!? Нет, не должно этого быть! А ей всё равно, лишь бы «Лёлька» была жива. Ей, век уже отжившей, всё-таки не хочется расстаться с миром, умереть, расстаться с детьми. Всё старается заграбить к себе побольше. Она согласна, даже очень рада жить опять так, как жила. Лучше своего Заовражья она ничего не признаёт.

А каково нам, учёной молодёжи, смиряться с теперешними нравами, усаживаться на землю-матушку, обхватывать её двумя руками! Эх, ведь мы не видели ещё жизни, только стали на ноги, выпрямились — и тут вдруг гнись опять! Эх, жизнь! Жаль тебя... А как хочется жить и особенно не хуже других. Но получится ли так?! Мысли, планы в голове разные, а результат зависит от исхода войны. Если придут наши — мы спасены. Я буду жить. Если немцы — я погибла... Конец один должен быть.

Вернулась — у нас Володя. Я вышиваю теперь дырочки в ногах у комбинезона. Много смеялись над неудачей Ляли игры в шашки с Вовкой. Играли на гитаре и балалайке. Мне скучно. В голове теснятся обрывки мыслей, одних

и тех же по содержанию, но обращённые к разным лицам. То я мыслю о наших бойцах, сражающихся на фронте, о товарищах по педучилищу, о власти Александра Николаевича. И, случайно взглянув на измятую газету «Ленинские искры», заметила картинку.

В бой, за РОДИНУ! [*Следы от приклеенной, но утраченной картинки*]

Вот они, дорогие товарищи! Вот они, верные сыны Великой родины, смелые, отважные, грудью идут на врага! Но почему же, почему они в этой, Советско-Германской войне не наступают, а только, кое-как обороняясь, отступают?! Почему же сейчас они не идут в наступление? Неужели Россия окажется под гнётом другой нации? Ведь сколько и раньше она имела войн, сколько её продавали, изменяли, но она не была порабощена, хотя и имела неудачи! Нет, я не верю в порабощение! Россия будет свободна! Победа будет за нею! Нет, нет, я надеюсь — враг будет изгнан. Не такая партия руководит нашей страной, чтоб её побеждать! Нет, нет, и ещё раз нет — победа будет за нами!

Глядя на этот рисунок, невольно на глаза наворачиваются слёзы. Вы, герои, красные воины, крепче стойте на защите родины. Эх, я, дура, а как я ненавидела в Гдове военных! Боже упаси! А теперь рада встрече каждого... Рада сама помочь каждому раненому. Эх, почему я не на фронте, не на передовых позициях! И здесь ничем не могу помочь! Вас нет, дорогие товарищи. Как тепло и приятно звучит слово «товарищи». А ведь раньше я этого не замечала...

Половину комбине сделала, другую — завтра на вечер. Пишу сюда уже больше часу. Сейчас ложусь. А на улице такая благодать! Поднявшийся сильный ветер с вечера затих. Небо ясное, чистое. Луна ясно льёт на землю свой ледяной отблеск. Светло и тихо. Только бы и жить в такие ночи нашим молодым сердцам, но... жизни нет, её негде взять.

Где эти лунные ночи?... Да, где они? Где эти милые очи, с кем же смеются они?... Ложусь и загадываю (завтра Введение во храм Пресвятой Богородицы): где мне быть, с кем мне жить в 1942 году... Буду дома — ничего не видаю. Уже 11 час. Часы мои перед глазами.

<...>

<...>

12/XII-41 г.

Мама будит готовить завтрак. Встаю. Она уходит к Ипатову на счёт хлеба, но и тут ничего не выходит. Она решила теперь: как только назначат в подводу, поедет до Гдова — и про паспорт, и про хлеб. Что будет, но мы не виновны в том, что приходится обращаться за помощью к немцу. И то не за помощью, так как мы из колхоза требуем собственный свой хлеб, а не чужой. У нас хлеба нет. Мы и так его едим с порции, которую я выдаю и старательно слежу за нею. И так не доедаем. Что будет дальше?!

Весь день вяжу, и вечер. Сходила к Клавке. С нею и с Женькой — к нам. Мотушку развила, и мама соскала. Смеялись о гостях, о Грише. Пришли Жоржик, Ванька и Володька. Гадали. Играли в карты. Мне выгадалось: всё хорошо. Все ушли в 11 часов. На улице Клавка с Володькой носились, кричали, подбегали к окну. Фу, черти, блажеют по ночи!

Я пишу за дни праздника. Думала, что завтра в Гдове буду: наши кое-кто едет, но не быть. Ну и слава Богу! Сейчас только Ляля сидит и вышивает, да я поскрипываю пером. Уже первый. Ложусь: голова и живот заболели. Спать хочу. Милый, приди же во сне!

<...>

17/XII-41 г. Варвара.

Встаю. Холодно. Готовим завтрак. Начинаю косыночку вязать. Пришла Л. А., просится в Гдов взять её в товарищи. Нового ничего. Духом пала. Адам и ещё трое живут здесь где-то. Мама шьёт пальто.

Вечером прибежали Женька с Клавдей, зовут гулять. Гулянье у Ионовых. Мы приоделись. Народу много: тут луговские, кислинские, наши все. Очень весело по-здешнему. Я танцевала и с Клавдей, с Женей, с Тоней Ефремовой. Болтаю с нашими девушками о загадываниях на Новый год. Домой — в 9 часов. Ночь какая хорошая! Тихо. Небо чистое, тёмно-синее, звёздное.

Мамы ещё нет: она в Гверездне на собрание «главарей» колхоза. Но вот и она. Собирать хлеб не будут, пока не будет записи от коменданта. Что ж, теперь вся надежда на Гдов, на коменданта. А если тут ничего, то всё пропало: жить нечем. Да, и денёк сегодня! Погуляли, казалось, хорошо, но на самом деле неприятность о хлебе.

Мама сегодня именинница, исполнилось 44 года. Вот и старуха. А сколько ей заботы — надо прокормить 8 ртов, а чем, из каких запасов? По неволе посивеешь ещё больше.

Мне Л. А. заметила сегодня, что я похудела за последнее время. Всё возможно. Все неприятности по хозяйству так же действуют и на меня, не меньше, чем на маму. Но что сделать, что сделать? Боже, помоги! Голова трещит, так и хочет развалиться на части.

Сейчас ложусь спать. И хочется поесть, да нечего, хлеба и то не хватает, нет. Приходится ложиться так. Хорошо, что сегодня-то ещё был, а завтра будет ли?..

Эх, где моя будущность, где планы на дальнейшую жизнь? Они рухнули. Жить надо начинать морально сызнова. А каково это встречать человеку, вставшему уже на путь, на свои окрепшие ноги? И вдруг под ногами пропасть, куда летишь всё быстрее и быстрее, даже удержаться не за что. Эх, милые красные воины, неужели вы не имеете силы, неужели моя надежда и вера в вас напрасны?!..

<...>

21/XII-41 г.

Соскочила от какого-то сна. Стряпаю, готовлю завтрак. А утро пасмурное, сырое. Такой и весь день. Всё готово. Ляля спит долго, поднявшись только уже к завтраку. Я вяжу. Пришёл Володька. Ляля убирает во второй комнате, а он незаметно влез в её дневники и начал читать. Они много возились, но всё-таки он отдал. Тогда он взял блокнотик с записями

о дороге. Лялька отбирает. Смеёмся, но ей — горе. У неё слёзы навёртываются на глаза, а он не отдаёт. Ох, как ненавидит она его сейчас.

Время проходит быстро. Я вяжу, распевая себе под нос лирические советские песни, а они всё дерутся, ругаются, возятся. Я часто поглядываю в окно, поджидая маму, но так и не укараулила: я ожидала от Дубка, а она приехала из Гверездно. Паспорта не получила: там нет списка жителей нашей деревни; бумажку на получение хлеба выдали. Мама видела самого А. И. Ребкена. С нею обошёлся ласково, вежливо, но свою политику вёл. Мимоходом сказал на мамин вопрос:

— Случайно остался жив. Судьба!

Спросил обо мне. Не партизанила ли? А почему же не уехала? А у вас есть партизаны? А в Красно? И у самого на столе карта, где все наши деревни и любые подробности. Правильно мама сделала, сказав на его вопросы о партизанах:

— Были у Луга-то — сколько-то, но там повыловили с собакой, подразогнали. А больше не слышать. А у Красно — это от нас в другую сторону. Ничего и не знаем. Туда и не ходили.

Говоря это, она постаралась придать голосу оттенок презрительности к этим людям. Но... как она тепло их встретит в душе! Бедные те, кто попался!..

Ребкен командует всюю. Он сказал, чтобы нас обеспечили полностью, за это ответит лично старшина. Не знаю, как что будет. Мама сходила к Игнатову, но собирать, видимо, и не думают...

Эх, скорей бы наши пришли! Милые, как я вас жду. Мама рассказала, что в Кубково, видимо, с парашютов спустилось четверо... Утром к одной тётке пришёл человек (на партизана не похож своей чистой, новой военной формой) и попросил хлеба и дорогу на Сланцы. Ей показался он подозрительным; проследила, куда он пойдёт. А он прямо в её баню, где они ночевали. Она бегом в деревню, сказала мужикам. Скопились, не знают, что делать. Вдруг едет немецкая машина. Они остановили и сказали. Немцы четверых в бане арестовали и привели к машине. Но один, выхватив бомбу из-за гимнастёрки, зацепил её за бороду. Она взорвалась. Четверо этих были убиты и один немец.

Так вот что делают русские сволочи, трясясь за свою шкуру! Вот по вине этой сволочи-старухи погибли эти четыре молодые жизни, которые, спускаясь, знали, что идут на явную смерть, и всё-таки шли. Эх, гады, гады! Я чуть не расплакалась. Нового о фронте ничего не слышно.

Весь вечер вяжу косынку, а мама рассказывает, сколько несчастных сейчас в стране, сколько гибнет людей. А почему? Кто виноват? Эх, освободители! От чего освободили? Что дали лучшего? Тысячи и тысячи проклятий на вашу голову!..

Сплю уже во втором.

<...>

24/XII-41 г.

Решили начать вязать прошивки. Ляля уходит к Жене за образчиком, но принесла другой от жившей там беженки. Я начала вторую (старинную)

такую же, какую снимала от Клавки. Так проходит весь день; иногда отрываюсь для примерки пальто, которое мама теперь скоро и кончит. Вечером стряпаю на дворе, дою корову. Ужинаем. Приходит Володя за книгами. Пришли Юля и т. Лена Ионова. Разговор за разговором — и незаметно перешли на воспоминания моего детства и детства Ляли. Я росла очень бойкой, резвой, а Ляля тихой, молчаливой.

— Все пенки, горшки Маня вышныряет. Куда на верхушку дерева влезть — Маня. Виновата — лисой подъедет. Не позволишь, так сейчас замолчит, а потом всё-таки своё возьмёт! — это подлинные замечания мамы.

Мы все смеёмся. Потом перешли на разговор о гаданьях на Новый год. Эти взрослые люди рассказывают случаи из жизни, а мы слушаем, иногда тихо посмеиваясь. И я невольно подумала: «Скоро, может быть, и я буду так вспоминать, ведь старость придёт как сейчас. А обидно, лучше бы быть всегда молодой!»

Но вот на улице послышались голоса дубецких девчат. Володька быстро уходит, проговорив:

— Они пришли гулять.

Мы вяжем. Я начала Ляле её прошивку. Тихо. Вдруг Володька кричит, брякнув в одно окно, потом в другое:

— Маша, пошли на супрядку!

— Куда?

— К Клаше.

— Нет, туда не пойду.

— А что? Рассердилась?

— Всего понемножку.

— Ну, как хочешь.

Они все гурьбой отправились на Гверездно. Только до нас доносятся крики, визг, смех.

Маму позвали на собрание. Мы сидим долго, а её всё нет. Она пришла поздно. На собрание разобрался вопрос: дать ли Германовой хлеба или нет. Решили: не дать. Ну, мы так и знали. Конечно, на собрание, как мама говорит, много кричали, ругались, шумели.

— Мои дети с отцом, да не могут так одеться! А у неё будут и сытыми, и одетыми, когда у наших и хлеба не будет и одеть нечего! — кричала Паша Макарова.

— А-а-а! Часики на ручку одеда! Это даром не даётся. Тут тысяча! Туда не ахти какой воз везла, а оттуда еле приехала. Где была, там и хлеб получай! — разводит, прибавляя к каждому слову похабщину, Маня Макарова.

Значит, вот как! Людей берёт зависть о том, что у нас нет хлеба, а мы так хорошо одеты.

— А у неё все с ног до головы обуты и одеты! — как говорит Паша Макарова.

Ну, не дали, так не дали. Будем искать новые ходы и выходы. Неужели ничего не будет?! Эх, пришли бы скорее наши милые Красные воины!.. Так поговорили и легли спать.

Во сне с кем-то убила волка, который хотел нас съесть.

<...>

Четверг. 1 января 1942 г.

Спалось как-то плохо, ворочалась; проснувшись в 5 часов, больше не спала, а лежала. Аня стряпает. Девчонки рассказывают сны. Смеёмся с утра пораньше. Подзакусив, Аня достаёт песни — поём, играем. Потом Клавдя садится писать письмо М. Егоровне, а я вздумала всем — поздравить с Новым годом. Пишу сама, сначала на черновик — девчатам понравилось. Переписываю:

«С Новым годом, дорогие товарищи!

Привет от нас, девушек, живущих в деревнях, захваченных немцами! Будьте бодры в новом, 1942-м году, не падайте духом ни на одну секунду. Помните, что мы всегда с Вами. Если нужно, в любой момент, по первому Вашему заявлению, мы готовы помочь всем, чем можем. Живите, не скучайте! Мы надеемся на скорое свидание с Вами, когда уже не будет здесь гитлеровских разъярённых шакалов, когда вместе с Вами вздохнём мы свободно и глубоко чистым советским воздухом.

Желаем от всей души успеха в Ваших делах. Помните, мы с Вами и ещё раз с Вами. Пусть раненые товарищи поправляются, желаем им скорого выздоровления.

До свидания, дорогие товарищи!

Привет Маше Антоновой. Она всех нас знает.

1 января 1942 г.

Маша, Саша, Клава, Аня, Тоня, Вера, Ляля, Женя».

Быстро всё готово. Пришёл Сашка Пашкин, немного почудили. Мы собрались в Малышеву Гору. Идём я, Аня, Клавдя. На улице сегодня и ветерок, и мороз ещё крепче — так щёки и нос и отмерзают. Небо чистое. Тихо кругом. Вдруг раздаётся рокот мотора, полетел немецкий самолёт низко, низко. У них чугунка топится. Чудим, смеёмся. Самолёт обратно полетел.

Клавдя отдала только своё письмо, а наше спрятала, что мало ли что может получиться, особенно за те патриотические слова: «в любой момент»⁴. Но, вернувшись, девчатам не сказала.

Зашли к Дуське. Ничего нового. Звала зайти, когда домой пойдём. Но, так как она не считала нужным к нам за два дня зайти, вместе встретить Новый год, то и мы ней не зашли. Распрощались с т. Ньюшей, поблагодарив за радушный прием, угощения, — идём домой. Аня проводила до Климатини. Идём и молчим. Шурка дуется, так как Клавдя и я её сегодня всё время обдирали. Разнеможилась совсем. Фу, дьявол нежная.

Пока шли, замёрзла. Дома холодно. Ляля стирает. Мама на сходке была: собирать хлеб беженцам. Им рассказываю новости, надеемся на скорую победу. Вечером, только стемнело, наносив воды, легла полежать, не ужиная, и уснула. Мама разбудила ночью раздеться, и, забравшись под одеяло, уснула опять и уже до утра.

13/I-42 г.

Моя работа кончена вся. Принимаюсь и я за вышивание скатерти. Вышиваем шерстью цветной: голубая, красная, розовая. Весь день проходит

за работой. Позавтракав, сев за стол, не вылезла до вечера. Спина болит, пальцы болят, а надо делать скорее: маме надо идти. Эту привезённую рыбу мама сменяла почти всю, и самим не пришлось много поесть. Да, и вообще о еде писать не буду. Каждый день я голодна, как волк, а поесть нечего. И так теперь изо дня в день. Проглотишь подступившие к горлу слёзы и... сыт...

Завтра новый «старый» год. Сегодня надо будет гадать. Люди все гуляют, а нам некогда — мы торопимся, и даже вечер. Видно, работать весь год. Весь день поём песни. Получается замечательно. Мама прядёт шерсть. Шумит прялка, потрескивают дрова в топившейся чугулке. Тепло, красиво, чисто, уютно... и все за работой. Давно так не встречали ни один Новый год. За сегодняшний день и вечер сколько песен мы не перепели и каких не перепели! И весёлых, и скучных, и советских, и старинных... Замечательно! Приходит вечер. Ребят отправили на ёлку к Макаровым. Сами же к ужину все полакомились: хлеба побольше съели, да и сметанки. Мама купила Ляле калоши на высоком каблуке и мулине пять мотков: розовый (два), жёлтый, зелёный и фиолетовый. Вот и мы с подарками. Спасибо! Мы рады.

Проводив ребят, гадаем. Насыпали жита, принесли петуха, поставили, а он ни на одну кучку и не смотрит. Хохочем. Этого выпроводили. Гадаем на уголь: Алексей — 3, Сергей — 2. И ещё несколько, но вот эти — основное. Лялька сразу же определила от первого раза: 2 (Алексей) и 1 (Сергей). Значит: Алексеев Сергей Алексеевич.

— Ну, как вы снюхаетесь опять, вот смешно-то будет.

Опять хохочем. Я чужу. Мимо окна пошли — слышны разговоры — гулять, но нас никто никуда не приглашал. Ну, и ладно. Мы и дома встретим. Орём, поём, играю на гитаре, хохочем.

Жжём бумагу. Мама — грузовой автомобиль с народом, мешками. Я — карета или коляска, запряженная лошадь, и я в коляске еду рысью. Ляля — танк, самый настоящий танк с пушками и т.д. Аля — ребёнок на руках, и в коляске. Вот как.

Бежим с Алей подслушивать. Нигде ничего. Забежали на ёлку. Народу много: всё бабы, беженок много, ребятишек — так оттуда столько взялось! Разговоры о войне, о налогах, о выкупе паспортов, лошадей, коров, о победе наших, о бегстве немцев. Две кадрили смахала, да так ловко, весело. Жарко. Бегу домой с ребятами. Ну, и вечер проходит хорошо. Опять за пяльцы. Работаем до 12 часов. Все спят. Ложимся и мы. Загадала, но ничего решительно не помню. Была Женя со своей беженкой. Нового ничего.

Среда (четверг). 14/1-42 г

Встали рано. С Новым годом! Мама напекла лепешёк из льняного семени, но плоховаты. Позавтракали. Опять скорее за работу. Получается хорошо. Надо бы сегодня кончить, нажимаем на все педали, но... увы. Кто не приходит — все хвалят, всем нравится. Да, и на самом деле получается замечательно. Опять поём весь день. А спина, спина... Ноги... Пальцы... Смерть, как болят. За весь день на улице не была ни минутки. Сегодня наши в Хрель гулять пойдут, а мы опять дома. Ну, да и дай Бог, чтоб весь год работать, а не лодыря гонять!

Мама рассказывает сны. Сначала поля делила, потом у Ребкена справки на соль, рыбу получала, а потом, уже на Новый-то год...

— Иду. Вдруг кричат; «Немцы наступают!» Все прячутся, и я прячусь. Но надо же посмотреть на бой. Вышла. Немцев очень много — в реке по горло, а наших меньше. Я кричу: «Ой, наших бьют!» Вышел как будто командир красный и говорит: «Ничего, этих не страшно!» А немцы, значит, это тонут и уже от безумия и себя, и друг дружку штыками колют. И столько их много, что как дрова лежат, запрудили реку. Я и причитаю: «Ой, родненькие, сколько положили вы своих головушек!» Вдруг как опять немцы — с другой стороны. Оглянулась — и, как на ладони у меня, видна вся картина: немцы бегут, что есть сил, а наши безжалостно гонят. И я бегу и кричу: «Ура! Ура! Ура!» — несколько раз... И теперь иду, а наших бойцов, что ржаных снопов на поле, везде и палатки. Понимаю, что они отдыхают. И вдруг, слышу, говорят: «Этим фронтом командует Шпорин». Вдруг баба несёт ребёнка, причитая: «Ой, ранил в язычок!» И я беру, и перевязываю, а мальчик этот понимает, что ему хорошо делают, и успокоился.

Вот какой мама видела интересный сон. Дай Бог, чтобы и правда наши победили. Шпорин тоже может командовать. Этот человек — с головой. Легла в 12 часов. Днём теперь много ругаемся из-за еды с ребяташками: они жрут, как кони, а другим не остаётся.

¹ Григорий Лозовский — один из героев романа известного русского писателя И. Н. Потапенко (1856–1929) «Живая жизнь» (1897).

² Раёшник — стихотворная форма, от раёшного стиха — рифмованной речи, используемой в словесных импровизациях при райке (панорама с лубочными картинками), а также в других видах фольклорного театра и балаганно-площадной культуры. Немецкая пропаганда активно использовала традиционные фольклорные формы, подчёркивая этим антинародный характер советского режима.

³ Сообщение парня кажется странным для декабря 1941 года, когда в блокадном Ленинграде свирепствовал голод. Подобные сведения напоминают дезинформацию, или же они являются порождением слухов, основного источника информации начала войны.

⁴ На полях М. Я. Германова дописала: «А я всё-таки отдала Петру».